

Если я буду пытаться называть себя литератором, меня погонят, как плохую собаку

— Вам как больше нравится, когда к вам обращаются — писатель (писательница) Маринина, литератор Маринина или как-нибудь еще?

— Называйте меня словом «автор». Потому что писатель — это уже претензия на некоторую профессиональную принадлежность. А автор — он и есть автор, даже если плохой автор плохой книги.

— Автор — слишком скромно. Вы уже превратились в явление литературы, в царя русского детектива и тем не менее подаете себя не иначе, как «мы, простые милиционеры. Ходим в свою простую милицию» — в таком уничижительном духе...

— Вас случайно зовут не Натан Яковлевич Заблоский (бывший начальник по службе, ныне литературный агент Марины Алексеевой. — О. Ч.)? Полтора часа назад он сказал мне то же самое слово в слово.

— Значит, не только меня удивляет ваше упорное нежелание сменить милицескую вывеску на литературную. Криминолога-аналитика Алексееву знают десятки, в крайнем случае, сотни ваших коллег, а писательницу Маринину, по статистике, в одной только нашей стране читал каждый второй. Считается, что, если вовремя не влиться в ряды посвященных, рискуешь вечно оставаться дилетантом.

— Согласна. Но дело в том, что литературная элита именно так ко мне относится. И это притом что я никоим образом не претендую на место на литературном олимпе. И уже одним этим вызываю у них безумное раздражение. Если я буду пытаться называть себя литератором и писателем при отсут-

Настя Каменской не существует. Несмотря на то, что для миллионов россиян она регулярно встает по утрам, пьет кофе, тащится на работу и даже ищет преступников. Это практически все, что можно ожидать от Каменской на протяжении тех двадцати романов, которые созданы Александрой Марининой. Но любой книготорговец знает: как только на полки ложится «новенькое» с этим именем на обложке, читатель его неминуемо сметет.

Было время, когда Марина Алексеева стыдливо прикрылась псевдонимом, чтобы не показывали пальцем, если писать не получится. Было время, когда ничто не могло расстроить ее больше, чем выговор по нелегкой милицеской службе. Теперь если кто и показывает пальцем, то только потому, что узнает в ней знаменитого автора детективов. Если и выговаривает, то любя — за сюжет, за героев. Это тот поразительный случай, когда что-то об этой женщине слышали ВСЕ. Читали ее почти ВСЕ.

ствии литературного образования и философских тем, то меня очень быстро попрут, как плохую собаку погаными тряпками. Да, сегодня они самые популярные в России. Ну и все, все на этом!

— Где же все, если рубежи родины вы уже успешно преодолели, издаваясь во Франции, Италии, Германии, Китае, Швеции и даже Корее?

— Если изменятся критерии того, что можно называть литературой, а что нельзя, может быть, мои книги и в России будут признаны литературой. Во всяком случае, во Франции с ними произошел очень забавный казус. Издательство «Соис», когда заключало со мной договор, предполагало издать пять моих детективов в серии «Полицейский роман». Директор издательства по-русски не читал и ориентировался на отзывы русскоязычных рецензентов. Но когда взял в руки французский текст, удивился: «Ребята, это же литература! А мы ее хотим продавать как обыкновенный детектив!» Если в России другие критерии, я не собираюсь их оспаривать. С точки зрения нашей системы взглядов я никто.

— В Италии закупили все права на ваши книги — даже

ство и созданную им Туринскую группу. Последняя будет бороться со снобизмом в литературных кругах. Со взглядами, что высокая литература — это, например, Достоевский и Гессе, а детектив — это дрянь, туалетная бумага и т.д.; что нельзя делить книги по жанрам — их можно делить только по качеству. К такой постановке вопроса я готова.

Толстый человек не может пролезть в форточку, но убить свою жену может

— Один из отечественных критиков высказался о вашем творчестве неоднозначно. Если в романах Конан Дойла подозреваете тех, кого подозреваете, у Агаты Кристи список подозреваемых разрастается от десяти негрят до целого экспресса, а у Марининой круг подозреваемых еще больше — вся страна. Представляете, если за рубежом начитаются Марининой и опять будут представлять себе кровожадных русских, которые чуть что со свирепой мордой хватаются за топор? Вы действительно думаете, у нас каждый может убить?

на вопрос «Чем личность преступника отличается от личности не преступника?» ответили: «Ничем. Только тем, что первого поймали». Над вами долго хохотали, но поставили пятерку, а смелый ваш ответ, как анекдот, еще долго ходил по коридорам. Все-таки как-то неуютно чувствовать себя в одном ряду с теми, с кем стоять не хотелось бы. Рассуждая по-вашему, убийцы такие же, как мы с вами, наркоман ничем не отличается от нормального мужчины, проститутка — от обычной женщины, ребенок от взрослого, небо от луны. На пропущенные логические звенья, по-видимому, не стоит обращать внимания!

— Звенья, может быть, и пропущены, но это не так прямолинейно, как может показаться.

Я всегда в таких случаях рассказываю одну простую историю. Вот вы живете на лестничной клетке с соседями. Они от вас ничем не отличаются: сыплют в еду ту же самую соль, пользуются той же самой телевизионной программой. Они такие же, как вы, за исключением того, что в один момент своей жизни кто-то из них поднял руку на другого человека и

александра маринина: ДЕТЕКТИВ НЕ ВСЕГДА ДРЯНЬ И ТУАЛЕТНАЯ БУМАГА

убил. А кто-то залез кому-то в карман и украл. И то, что он сделал, не определяет всей его жизни и всей его личности.

Он ходил в те же школы, читал те же книжки — ничем вы не отличаетесь...

— Разве только тем, что в семье какого-нибудь киллера за моей стенкой очередное убийство (может, мое же!) обсуждается так же спокойно и со вкусом, как в моей собственной семье — вкус сдобного печенья.

— А может быть, и нет. Разговоры могут идти о том, что Петя принес двойку, а Машка — молодец, учится хорошо. Об этом они говорят, а вовсе не о страшном. Человек, которого ищут по всей стране как преступника, затаился, сделал себе пластическую операцию, надел парик, поменял свое имя — живет и дрожит. Может, этим его жизнь от вашей и отличается. Но если вы живете в соседней квартире, то точно так же можете зайти к нему за солью, и скорее всего он даст вам соль, а не бросится вас насиловать. Вы скажете спасибо и пойдете солить свой суп.

Сначала напилась, а потом кричит: «Мама, меня изнасиловали!»

— За годы своей работы криминологом вы много путешествовали по российским колониям. Что вас больше всего поразило?

на те, которые еще не написаны. Почему именно в этой стране Маринина так прилась по душе издателям?

— Итальянское издательство «Пьемме» традиционно специализировалось на религиозной литературе, тесно сотрудничало с Ватиканом, а несколько лет назад открыло линию светской литературы с ориентацией на духовность. К тому же они решили: «Пора покончить с засильем американского детектива на итальянском рынке. Мы будем издавать Маринину, чтобы поставить ее в противовес множеству иностранных детективов».

— Вас ввязывают поистине в великую битву.

— У меня похожее чувство. Известный литературовед профессор-славист Арнальдо Альберти предложил мне вступить в Европейское культурное обще-

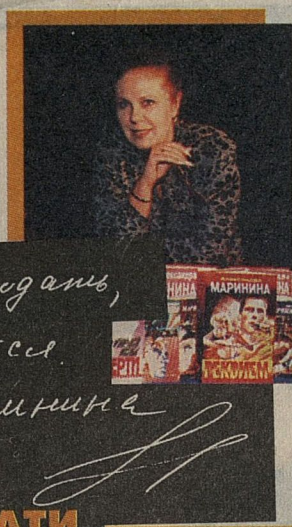
— Не согласна с этим абсолютно. Хотя допускаю, что такое впечатление могло возникнуть из неправильного прочтения мысли, которую я провожу почти в каждой своей книге. Когда моя героиня начинает обсуждать вопрос: «Кто мог убить, а кто не мог?», она каждый раз приходит к выводу, что преступление может совершить кто угодно.

Толстый человек не может пролезть в форточку. Если у нас квартирная кража, где вор пролез через форточку, мы вправе так рассуждать. А если речь идет о психологическом аспекте, например, мог ли этот толстый убить свою жену, то, конечно, мог. Мы должны подозревать каждого для того, чтобы не допустить неоправимой ошибки. И этого толстого нельзя исключать из подозреваемых только потому, что нам КАЖЕТСЯ, что он безусловно любил свою жену, всегда был добрый и мягкий. Нам не может казаться, мы можем только точно знать и подозревать. То, что на преступление у нас готова вся страна, из этого тезиса и из моих книг вообще никоим образом не следует.

— Когда вы сдавали экзамен по криминологии, готовясь получить ученую степень, то

— Две вещи. Первая — невероятное количество олигофренов, в степени легкой дебилности, которая не лишает человека вменяемости, но никакого снисхождения суда не предусматривает. Они вроде бы нормально с тобой разговаривают, но, когда их просишь, например, прокомментировать, как они понима-

читать мне самой. И ориентируюсь прежде всего на свой собственный вкус. Меня часто спрашивают: «Как вы думаете, в чем секрет вашей популярности?» — вопрос совершенно идиотский, и спрашивать об этом надо не у меня, а у читателей. Но поскольку спрашивают все-таки не у них, а у меня, я долго

жем, такой способ извлечения дохода, найдутся люди, которые придумают то же самое и, может быть, гораздо более ловко, хитро и изощренно.

— Если вы считаете, что ваш мозг работает по тем же законам, что и у массы других людей, то почему не смогли предвидеть ту реакцию, которую повлек за собой выход вашего нового романа «Реквием»? Стареющая и несколько подтрутившая популярность певица Стелла посылает подающему большие надежды красавцу-певцу Вильданову предложение заключить взаимовыгодный брачный союз. Многие читатели тут же уловили прямую аналогию с четой Пугачева — Киркоров.

— Я вам буду отвечать как статистик и аналитик. Все межличностные ситуации, которые вообще могут случиться в жизни с человеком, за всю историю человечества случались уже по сотне тысяч раз. Великое множество певцов и певиц, вступая в какие-то брачные, любовные, служебные отношения, по законам статистики уже наверняка все возможные ситуации охватили. Я совершенно не знаю и не знала никогда, что происходит в семье Пугачевой и Киркорова. Я в этой среде не вращаюсь и просто ею не интересуюсь. Если бы я, например, придумала ситуацию про старого певца и молодую певицу, то в кого-нибудь да попала бы. А если бы описала вынужденный брак между певцами-ровесниками, то попала бы еще в кого-нибудь. Даже если взяла бы вариант отношений между известной певицей и дворником, попала бы в кого-нибудь третьего, если известного певца и проститутки — в четвертого. Я придумала ТАКУЮ ситуацию — попала в них. Куда я знала, в кого я попаду? Я писатель, фантазер. Я придумываю истории из жизни людей, опираясь на то, что кто-то слышала, или на те истории, которые происходили лично со мной. Я рассчитываю именно на такое отношение к своим книгам. И вдруг выяснилось, что у Пугачевой и Киркорова что-то подобное, по всей вероятности, было. Только знают об этом все, кроме меня. Я клянусь, что не могла предвидеть этой реакции именно потому, что не знала, в кого попаду. Кстати, Пугачева и Киркоров не отреагировали вообще никак. Спасибо, что они мыслят так же, как и я.

Настя изменила Чистякову всего один раз — и то муж очень расстроился...

— Вы не скрываете, что ваша главная героиня похожа на вас. Не кажется ли вам, что сливаться с жизнью своих героев даже для «просто автора» опасно: куда их ни заведи, с кем по ходу книги ни столкни и с кем в постель ни положи, читатель везде будет видеть вас и перипетии вашей личной жизни.

— Не исключено, при написании своих книг я буду с этим сталкиваться. И многого уже не смогу написать. Например, в моей первой книге «Стечение обстоятельств» Настя изменила Чистякову всего один раз — и то муж мой Сережа жутко расстроился. Так со мной скандалил: «Твоя Настя — моему Чистякову?!» — мы чуть ли горшки не били. Теперь написать такое просто невозможно. Потому что не только читатель видит за Настей видят меня. И если я вдруг припишу Насте интерес к мужчине, может быть, чисто сексуальный, для Сережи это будет потерянный сон. Он будет с ума сходить от ревности и думать, на какого это мужчину лично я запала, что это переживание вложу в Настю? Он же знает, что Чистяков — это он, Значит — тоже он, а Настя — это я.

Записала
Ольга ЧЕРНЕНКО.

Узнайте меркель и подальше,
и все у вас получится.

А. Маринина

КСТАТИ

Холмс — Пуаро — Каменская?..

Вряд ли кто-нибудь желал бы увидеть на месте Шерлока Холмса его реальных прототипов. А их у Артура Конан Дойла было несколько.

Сначала Дойл написал историко-авантюрный роман «Фирма». Где главный герой, студент-медик, стал воплощением профессора Единбургского университета Джозефа Белла.

Затем Артур решил обратиться исключительно к детективному жанру. Здесь он не мог отказать себе в подражательстве Эдгару По. Огюст Дюпен — сыщик, персонаж По, любимый герой детства Дойла, во многом похож на Холмса.

Но стоит заметить, что изначально Холмса звали Шейрингом Фордом. Изменением имени Форд обязан американскому врачу и писателю Оливеру Уэндли Холмсу. Так Шейринг превратился в Шерлока, а Форд в Холмса. Образ любимого преподавателя Джозефа Белла нашел воплощение в верном спутнике Холмса — докторе Ватсоне.

Другую мировую звезду детективного романа — Эркюля Пуаро подарила нам Агата Кристи. Она родилась, когда Артур Конан Дойл начал печататься. Вся жизнь бредила его романами. Поэтому, не долго думая, решила «продлить» жизнь Шерлока в своем Эркюле Пуаро, а доктора Ватсона — в капитане Гастингсе. Правда, над именем своего сыщика Агата думала долго: «Почему бы мне не назвать его Геркулесом? Но Пуаро слишком уж хорошо подходит к Эркюлю!»

Героиня сегодняшнего дня — следователь Анастасия Каменская — персонаж книг Александры Марининой. Анастасия — это, по сути, сама Александра, о чем автор и поведала в интервью.

С. А.

думала, как же мне на это отвечать. И пришла к выводу, что обладаю среднестатистическими вкусами: не высокоэлитарными и не совсем низкими. Я писала под себя, и вдруг оказалось, что людей с такими же вкусами много и им понравилось.

— Если издатели вам навязывают свое мнение, критикуют: здесь нужно побольше секса, здесь — побольше крови, якобы читателей это больше всего интересует, как вы поступаете?

— Мне не навязывают никогда и ничего.

— Но два года назад вы поссорились со своим издателем, по вашим собственным словам, до слез, до рыданий, до сердечных приступов?

— Это было связано не с советами, как мне писать. Моих издателей вполне устраивает мой стиль — он и в таком виде хорошо продается. Что касается насилия и секса, то у них есть масса авторов, которые об этом пишут. У меня есть своя ниша — это люди с моим вкусом. Если я буду добавлять в свои книги секс и насилие, то это будет уже для людей с другим вкусом.

У меня нет, скажем, откровенных сексуальных сцен. Среди множества порнографических описаний и эротических сцен мне только один раз попался автор — американская писательница Джудит Крээнц, которая умеет это делать. Она умеет передать силу эротических чувств, не опускаясь до уровня вульгарности. Кажет-

ся, это описывать умеет, а остальные нет. И когда я читаю остальных, мне и противно, и смешно. Не хочу, чтобы то, что напишу я, было так же противно и смешно.

— Но если взять в руки любую вашу книгу, то на обложке обычно наткнешься на искаженное то ли оргазмом, то ли ужасом женское лицо, а на переднем или заднем фоне — здесь возможные вариации — всегда присутствует пистолет.

— Ну что поделать, вопросы художественного оформления обычно не входят в мои договоры с издателем. Издательство само выбирает, какая должна быть обложка и что на ней будет нарисовано. Поэтому я не знаю, откуда на обложках моих книг такие моря крови. В книгах этого нет.

— На одной из встреч с читателями вы утверждали, что точно знаете, какие преступления бывают, а каких не бывает. Каких не бывает?

— Не бывает преступлений, совершенных инопланетянами и покойником, вставшим из гроба. Если я придумываю сюжет, где в запертой комнате обнаруживают труп женщины, герои бьются над тем, кто же ее убил, а потом оказывается, что это инопланетяне, то это нарушение законов жанра. Такого НЕ БЫВАЕТ. Иногда читатели говорят: «Вот здесь у вас очень похоже, а в этой книжке вы так завернули

Осенью 1999 года компания «НТВ-кино» собирается выпустить на экраны телесериал по 8 романам Марининой — всего 16 серий. Режиссер — Юрий Мороз, генеральный продюсер — Валерий Тодоровский. На роль Анастасии Каменской предполагается пробовать трех актрис — Веру Глаголеву, Елену Яковлеву и Ингеборгу Дапкунайте. Всего на съемках будет занято не меньше 200 актеров.

ся, не пользуясь даже словом «член». Из этого притом что язык ее книг не какой-нибудь высший, XVII века, никаких «войди в мое лоно» и прочих глупостей там нет. У Крээнц современный, жесткий, динамичный язык. Просто она

— такого не бывает». Почему не бывает? Я средний человек. У меня нормальные мозги, я не Ньютон и не полная идиотка. Таких на нашей планете миллионы. Если я смогла придумать, ска-

У меня нормальные мозги, я не Ньютон и не полная идиотка

— В статьях на криминальные темы у многих журналистов написать «такого не бывает даже у Марининой» стало уже общим местом. То есть у Марининой ужасно, а то, о чем рассказываем мы, еще ужаснее. В ваших книгах события подаются достаточно мягко — убитые тела не истекают кровью, мозги не растекаются по асфальту, обходятся даже без вспоротых животиков. Вы избегаете подробных описаний, потому что этого требует развитый вами жанр «женского детектива» — Никто ничего от меня не требует. Я пишу такие книги, которые интересно было бы